

ЕЛЕНА ЗОТОВА

ЖЕНСКИЙ УЛУЧШАЙЗИНГ

[мужчинам не читать обязательно]

Книга — лауреат премии

Рукопись года

Одобрено Рунетом

Елена Зотова

Женский улучшайзинг

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Зотова Е. Ю.

Женский улучшайзинг / Е. Ю. Зотова — «Издательство АСТ»,
2019 — (Одобрено Рунетом)

ISBN 978-5-17-113312-2

«Женский улучшайзинг» – это не «Сто рецептов красоты». Это уморительно смешные истории из нашего далекого постперестроечного прошлого. Конец 80-х и начало 90-х годов глазами девочки-подростка, изо всех сил пытавшейся стать еще красивее. Тональный крем «Балет», мокрая химия и колготки в сетку. Помните? А шапочки из фольги, Кашпировского, ведра воды перед телевизором и люберецких бандитов? Удивительно, как мы выжили тогда. Но было весело. Именно это веселье и ждет вас на страницах книги. Добро пожаловать!

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-113312-2

© Зотова Е. Ю., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Истории моих попыток сделать себя Принцессой Прекрасной всеми доступными средствами	6
Тушь-плювалка и крем «Балет»	9
Мораль от автора. Специально для тех, кто не понял намеки в самом тексте	15
«Мокрая химия»	16
Домашняя психология под чашку кофе (от автора)	33
Шапочки из фольги	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Елена Зотова

Женский улучшайзинг

Серия «ОДОБРЕНО РУНЕТОМ»

[мужчинам ~~не~~ читать обязательно]

© Елена Зотова, текст, 2019

© Юлия Межова, иллюстрации, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Истории моих попыток сделать себя Принцессой Прекрасной всеми доступными средствами

Дорогие друзья! Это не сборник «Сто рецептов красоты». И не реклама всяких косметических чудес. Это рассказы о моих попытках усовершенствования собственной внешности.

Сначала я хотела написать на этой книге большими буквами «МУЖЧИНАМ НЕ ЧИТАТЬ», потому что:

- а) мне стыдно;
- б) мне очень стыдно.

Но потом подумала: какого черта? Нет, мужчинам надо читать обязательно. Чтобы знали, как тяжело дается нам натуральная красота и зачем женщины так мучаются.

Анализируя весь свой более чем сорокалетний путь женщины с эпитетом «красивая», я вывела собственную теорию и спешу ею поделиться.

Все попытки уллучшайзинга внешности, то есть превращения себя в Принцессу Прекрасную доступными средствами, продиктованы влюбленностью. Это поняла на собственном опыте. Не всегда удачном, но временами очень смешном. И уверена, что абсолютно не правы те психологи, кто твердит, что «наращивают, красят, накачивают – только для себя любимой». Нет. Тут работает базовый женский инстинкт, требующий выделить собственную персону в битве за обладание предметом воздыханий. Пусть предмет даже не догадывается, каких мук и страданий стоит эта красота, нам все равно. Пусть он твердит, что любит все натуральное и естественное. Пусть. Нас, женщин, это не остановит на пути к совершенству и абсолютной победе над природными данными, подаренными родителями. А также над соперницами, еще не испытавшими новые технологии и чудесные способы омоложения и приведения себя в божественный вид.

Update. Предисловие писала перед основным текстом. Предполагалось, что в результате получится книжечка страниц на двести двадцать, с рассказами про мои попытки уллучшить внешность в двенадцать лет, в пятнадцать, в двадцать пять, в тридцать, ну и так далее. Но автор я еще неопытный и немного не учла, что в процессе написания возможны серьезные сюрпризы. А именно, что попыток-то уллучшить внешность у меня было много, больше, чем может вместить одна книга. Первые тревожные звоночки появились, когда уже было готово больше половины предполагаемого объема... Уже больше ста двадцати страниц, середина, а я все никак не могла выбраться из школьных лет. Все еще бултыхалась где-то в начале девяностых, лечилась сеансами Кашпировского, делала мокрую химию на рынке в Салтыковке и ловила маньяков на кладбище. И вот тут оказалась в тупике. Как, КАК уместить в оставшуюся половину все остальное? Как на оставшихся ста страницах рассказать про перекраску волос в пепельный

цвет, давший изумительный зеленый оттенок? Про татуаж губ, который имела глупость сделать в «элитной» сауне города Пекина? Про совершенно дурацкое канюльное наращивание, которое чуть не покалечило моего молодого человека? Про инъекции биоревитализации, после которых меня собирались отправить в инфекционную больницу? А период после тридцати пяти лет? Когда мало того что уллучайзинга потребовалось уже больше, но еще и появились всякие купонные сервисы, предлагающие умопомрачительные скидки до 90 % на различные косметологические и парикмахерские услуги. Которыми был грех не воспользоваться. И что дало еще уйму совершенно невероятного и уморительного материала.

Осознав масштаб катастрофы, первым делом, конечно же, я придумала секвестировать уже написанное. Ужать так плотненько. Чтoб уместить и остальное. Повыкидывать всякие лирические отступления про офтальмологов, кладбища и экстрасенсов. Но прикинула и поняла – остаться в заданных рамках все равно нереально.

А потом решила так: стану писать, как пишется. Будем считать эту книгу Частью Первой. Под условным названием «Улучшайзинг. Пока родители не видят». И если вы сможете дочитать этот бред до конца и захотите продолжения – заходите на мой сайт www.elenazotova.com, оставляйте пожелание в форме и, как только наберется пять тысяч голосов (чтобы тираж был выгоден издательству), то сразу же опубликуем часть вторую. Получится такая интерактивная современная литература. А что? Театр есть, сериалы есть. Надо и с книжками попробовать. Ну а сейчас – давайте вместе поностальгируем по концу восьмидесятых и началу девяностых годов! Наслаждайтесь!

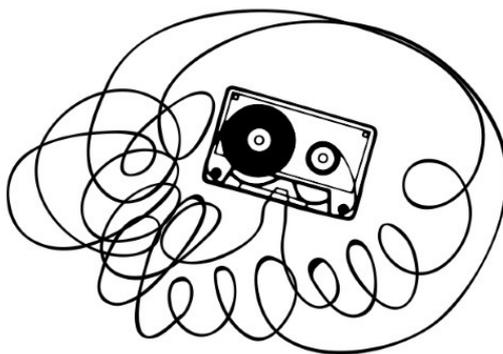
Итак.

Свои экзерсисы в детсадовском возрасте подробно описывать не буду. Помню только, что сподвигла на них Великая Любовь к сопливному мальчику Ромашке, с которым меня ставили в пару на утренниках и походах на прогулки. Улучшайзинг тех времен не отличался оригинальностью. В принципе – все, как и у всех. Украденная бабушкина красная помада и целование накрашенными губами зеркала в прихожей, отражавшего восхитительную меня. Выливание на голову духов «Ландыш серебристый», по неосторожности оставленных в доступном месте. Примерка маминых платьев и туфель на шпильках, после чего обуви требовалась замена супинаторов, а одежде – новые пуговицы и химчистка. После особо сложной химчистки мне была задана приличная трепка. Стоя в углу и растирая заплаканные глаза и помаду по лицу, я выслушивала нуднейшую лекцию, что не одежда красит женщину, а душа и чистые помыслы. Лекция была долгая, минимум на час. С цитированием классиков и отсылками к примерам мировой культуры. Именно она и спасла от дальнейших варварских разорений мамину косметичку и гардероб. Или спас ремень? Не помню уже точно. Но последний год до школы я вела себя примерно.

Программа начальных классов также велела забыть о всяких там женских штучках-ухищрениях и сосредоточиться на развитии любви к Родине, а не к мальчикам-одноклассникам.

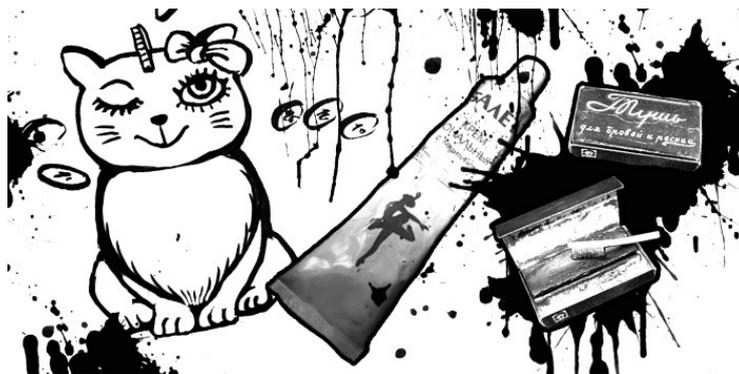
Тогда эксперименты с внешностью тоже были. Но слава богу, в кулуарных условиях, в пределах квартиры и без выставления результатов на обозрение общественности.

Поэтому начну с класса так с шестого. С периода, когда мои попытки усовершенствований начали пугать уже не только родителей и бабушку, но и ни в чем не повинных людей.

Тушь-плювалка и крем «Балет»

(Именно так. Производная не от глагола «плевать» н. в., а от названия нанотехнологии нанесения – «Плюнь и разотри»)

В свои двенадцать лет я была беленькой, маленькой и тощенькой, с восхитительным сколиозом третьей степени. Не помогали ни ЛФК, ни окрики «Не горбись!». Менее восхитительным изгиб спины не становился.

Облик дополняли прыщи на лбу и вечно обветренные губы, которые прекрасно подчеркивались постоянно голубой одеждой. Свитерочки, блузочки, пальто, даже сапожки и шарф. Моя мама любила голубой цвет и утверждала, что он очень подходит к моим глазам. Поэтому я была обречена на этот ненавистный оттенок вылинявшего июньского неба. Единственным достоинством внешности были длинные, густые светлые волосы. Впрочем, они всегда были стянуты резинкой в хвост или в косичку и это достоинство в глаза окружающим совсем не бросалось.

В общем, как понимаете, я в то время не была мечтой поэта. И вниманием мужской части нашего класса не пользовалась. От слова «вообще». С моей же стороны все было наоборот. В шестом классе начали просыпаться подростковые гормоны, а вместе с ними не только прыщи, но и яркий интерес к противоположному полу. Интерес, равного которому не было даже в детском саду. Не говоря уже про начальную школу.

Я стала украдкой посматривать в сторону соседа по парте, Кости Денисова, и выяснила, что он очень даже ничего. Несмотря на нос картошкой, веснушки и мерзкую привычку плевать жеваной бумагой. Костя в мою сторону не смотрел и, кажется, вообще воспринимал как надстройку к парте. Даже списывать не просил. А в случае этой необходимости – перегибался через проход к более симпатичной отличнице в брекетах и в очках с большими диоптриями.

По правде говоря, и остальные мальчики нашего класса относились ко мне как к неодушевленному предмету: скучная хорошистка с бесцветными ресничками а-ля корова, обрамлявшими зеркало души. Но вот Душа-то была прекрасна! Я любила стихи, рисовать и кошек. Кроме того, была начитанной, натренированной папой на кроссворды и, по его мнению, весьма интеллектуально развитой. Учителя хвалили и ставили в пример. Своим интеллектом тогда и решила привлечь внимание мужской половины. На уроках с выражением декламировала Лермонтова, пафосно рассказывала про выделительную систему млекопитающих и всего за двадцать копеек рисовала желающим красивые обложки для тетрадей.

Но все зря. Мужчины на мою прекрасную душу не реагировали. На завывания у доски внимания не обращали. Обложки не покупали. Кошачья шерсть на жилете и юбке тоже не вызывала у них приступов нежности.

При этом приступы их нежности вызывала наша одноклассница, двоечница Альфия Юсупова. Девочка, у которой вторичные половые признаки стали проявляться еще классе в первом, а к шестому достигли уже вполне хорошего третьего размера. Ее единственную мальчику называли по имени, тогда как остальную массовку – исключительно по фамилиям. За ее внимание и право проводить до дома шли баталии не только на переменах, но и на уроках. Конечно, Альфия была симпатичная: с густыми темными волосами, ровной кожей, карими глазами и длинными ресницами. Красотка. Это признавали даже самые злые и завистливые сплетницы класса. Но вместе с тем мозгов у красотки было на миллиграмм. Она путала Каспийское море с Баренцевым, писала в слове молоко два «А» и удивительным образом переходила из класса в класс. Дело в том, что ее родительница каждый год в слезах шла к завучу и рассказывала про тяжкую долю матери-одиночки. Завуч плакала вместе с ней, переправляла Альфичке четвертные двойки на тройки и со скрипом, но переводила в следующий класс. Втайне молясь, чтобы по окончании школы Альфию все же приняли бы в какое-нибудь престижное ПТУ, где ее обязательно найдет молодой миллионер, женится и будет содержать долго и счастливо. Не забывая про воспитавшую в трудностях мать и доброго завуча. (Будете смеяться, но так и получилось.)

Такой нетипичный и недостойный путь Альфии к мужским сердцам вызывал у меня когнитивный диссонанс. Странно. Классики литературы явно что-то недоговаривали, и лучше их не слушать. Но что делать? Пришлось прибегать к испытанной поколениями мудрости: «Путь к сердцу мужчины лежит через желудок». Как раз по телевизору прошел фильм «Самая обаятельная и привлекательная». Полная впечатлений, я решила воспользоваться рекомендацией Сусанны и приготовить печенье «Маэстро».

Похожий рецепт нашла в «Книге о вкусной и здоровой пище». Осталось дожидаться, когда мама уйдет на весь день, и приступить к созданию кулинарного шедевра. Дома были почти все ингредиенты. Правда, сметана в холодильнике стояла уже черт-те сколько... (Потом уже выяснилось, что это была не сметана, а мамина самодельная косметическая маска. С весьма странным составом. Но кто знал?!)

На следующий день печенье вызвало настоящий фурор. Впервые мальчики нашего класса посмотрели на меня с интересом. Потом смотрели с еще бо́льшим интересом. Через десять дней, когда все дружно выписались из больницы. Но это был несколько не тот интерес, которого добивалась. Меня начали побаиваться и обходить стороной.

Как только со школы сняли карантин, было проведено внеочередное общешкольное родительское собрание, на котором категорически запретили приносить съестное и угощать одноклассников. Из-за того, что «Маэстро» съели подчистую и отдавать на экспертизу было нечего, обвинения именно мне предъявлять не решились. К тому же все пострадавшие в тот день покупали пирожки с мясом в школьной столовой. На всякий случай проверили и ее. Независимая и серьезная комиссия из следователей и представителей областной СЭС нашла в нашей столовке кучу нарушений: крысиный помёт, стафилококковые палочки и отлично налаженную систему выноса продуктов. Всех сотрудников уволили по статье, а на заведующую еще и завели дело. Столовую пришлось закрыть почти на две недели, оставив нас, школьников, без завтраков и обедов.

После того как все рассосалось и успокоилось, а мальчики вдоволь наобменивались впечатлениями от процедур промывания желудка, клизм и прочих манипуляций в больнице, тема себя исчерпала. А я решила на время оставить кулинарные эксперименты. И переключиться на красоту.

Правильность идеи подтвердил и Костя Денисов, который выписался из больницы последним (еще бы, сожрать больше всех). В первый же день после выписки он пересел от меня подальше. В другой угол класса. К Альфие. Он как наиболее пострадавший и, соответственно, самый достойный женской жалости и заботы, в ее глазах сразу заработал сто очков, обскакал остальных конкурентов и стал фаворитом.

Я сначала не поняла его действий, пошла объясниться, ну и убедиться, что он за время долгого отсутствия не забыл, что сидит со мною. Костя меня не забыл. И очень даже не забыл, но молчал и отводил глаза.

Я не выдержала:

– Почему все мальчики вьются вокруг тупых троечниц? А?

Бывший сосед по парте резко покраснел, запнулся и неожиданно проболтался:

– У нее такие глаза!

Тогда я еще не знала, что слово «глаза» на мужском сленге может означать несколько другую часть тела, и поняла его в прямом смысле. Как написано в словаре Даля. Значит, сам бог велел заняться уллучшайзингом лица, а конкретно глаз, в надежде, что сосед опомнится и, увидев меня-красавицу, вернется.

Многие мои одноклассницы уже тайком красились, воруя мамину косметику. Мне воровать было нечего. Моя мама, яркая шатенка с синими глазами и хорошей кожей (вот повезло-то), после тридцати пяти лет принципиально отказалась от декоративной косметики, кинув все силы на уход. Массажи, маски, пилинги. Из украшательного в ее косметичке был только, пожалуй, блеск для губ. Но это было несерьезно. Внешность я унаследовала от папы, блондина есенинского типа. И блеск для губ такой типаж конкретно не спасал.

У меня, как и у многих детей в то время, была копилка. Глиняная кошка, в которую родители кидали монетки за особо выдающиеся заслуги в деле мытья посуды или за успехи в учебе. Копилки хватило на покупку тонального крема «Балет» и туши для ресниц фабрики «Свобода». Туши-«плювалки». Это была такая коробочка с черным прямоугольником туши внутри, по виду напоминающей засохший гуталин. Надо было плюнуть в центр прямоугольничка, растереть слюну с гуталином специальной щеточкой и нанести полученную субстанцию на ресницы. Пока мамы не было дома, я потренировалась. Получилось очень даже ничего. За исключением двух вещей. Во-первых, тушь реально воняла гуталином и вызывала у меня рвотный рефлекс. А во-вторых, полностью смыть эту вонючую гадость удалось только мылом. Той же фабрики «Свобода». К вечеру родители сильно встревожились моим заплаканным видом и распухшими глазами. И я попала на час пыток – «Что случилось? Что-то в школе? Может, ты хочешь нам что-то рассказать, но боишься?»

К утру глаза пришли в норму. Я вышла из дома на пятнадцать минут раньше обычного. И, притаившись на лестничной клетке в подъезде, занялась макияжем. С кремом проблем не было. «Балет» прекрасно замазал мои прыщи. Правда, он был какого-то странного, светло-кирпичного цвета и плохо коррелировал со слегка синюшным натуральным оттенком кожи. Не зря же продавщица в галантерейном магазине «Весна» не хотела мне его продавать, хоть я клялась, что меня послала мама. Три дамы в фирменных халатиках с подозрением рассматривали горку медяков, которую я высыпала на прилавок.

– Девочка! А почему твоя мама сама не пришла? Как же можно доверить ребенку подбирать тональный крем? Да у нас и подбирать нечего. Завоз будет только через неделю. Остались два тона – «Персиковый» и «Цвет загара». Но они темные.

Персики тогда очень любила, особенно консервированные в банках, поэтому выбор был предрешен. К тому же ждать неделю нового завоза не входило в планы. Костя мог окончательно втюриться в новую соседку по парте, и это серьезно усложнило бы задачу.

– Мне «Персиковый»!

Продавщицы еще немного посомневались, но все же пересчитали мои пяточки, пробили в кассе чек – и выдали заветные покупки, завернутые в толстую серо-коричневую бумагу. Под напутствия: «Надеюсь, мама тебя не убьет!» и «Имейте в виду, косметика возврату и обмену не подлежит!», я, счастливая, выскочила из магазина.

И вот он, волшебный крем. Металлический тюбик, металлическая перепонка, которую проткнула бабушкиной шпилькой.

Тратить его на шею было жалко. Да и кто там будет смотреть на шею? Когда есть прекрасное лицо и выразительные глаза? Дошла очередь и до них. Тушь-плювалка тоже не подвела. Во второй раз красить ресницы оказалось намного быстрее и проще. И запах гуталина раздражал уже меньше. Что значит мастерство!

Распустила волосы, сделала в обглоданное зеркальце томный взгляд. Я лучше Ирины Понаровской!

До школы три квартала и переходить две дороги. Надо торопиться. Я вышла из подъезда и подняла голову. С неба падали огромные хлопья снега. Просто новогодняя сказка в начале марта! Волшебные снежинки попадали мне на лицо, я ловила их губами и чувствовала себя счастливой. Взрослой и необычайно красивой. Так же думали и прохожие, встреченные мною по пути. Они тормозили, оборачивались вслед. Все. Один, весьма уже взрослый и симпатичный мужчина, настолько впечатлился, что ступил мимо расчищенной тропинки и провалился одной ногой в снег. Это был успех! Даже черная кошка, пытавшаяся перебежать дорогу, замерла как вкопанная. Глаза немного щипало. Приходилось их постоянно тереть. О господи! Как же тяжело быть взрослой! Снег шел все гуще. Глаза щипало все сильнее. Наконец ко мне подошла какая-то женщина.

– Девочка! Что с тобой случилось? Ты упала? Что у тебя с лицом? Был пожар? Больно? Вызвать скорую?

И тут я наконец посмотрела на себя в тусклую витрину продуктового магазина. Витрина была настолько тусклая, не мытая уже лет так пять, что сразу я не поняла масштаба катастрофы. А вот когда разглядела... Боже! Почему никто в магазине не предупредил меня, что отечественная тушь на дух не переносит осадки? И даже влажную погоду? Она моментально размокает и ручьями стекает в глаза и на лицо.

А я еще и размазывала тушь, перемешивая с кирпично-розовой густой массой крема «Балет». И ничего не замечала, потому что на холодную погоду у меня были перчатки серо-буро-малинового оттенка, на которых и грязь, и косметика оставались незаметны. В результате мое лицо выглядело так, будто я окунула его в мазут, а потом долго пыталась оттереть, но безуспешно. Розово-черные разводы напоминали мраморную облицовку станции метро «Баррикадная».

Я заорала. Закутавшись в шарф и спрятав от позора глаза, развернулась и рванула домой. Сердобольная женщина так и осталась стоять с открытым ртом.

Но дома была мама, и показываться ей в образе станции метро точно было нельзя. Пришлось затаиться в подъезде, в том же закутке, где я всего полчаса назад наносила макияж. И теперь закуток пригодился снова. Чтобы ликвидировать то, что от макияжа осталось. В ход пошли подручные средства в виде шарфа и снега с подоконника. Это было ужасно. Насколько легко наносились тушь и тональный крем, настолько же мерзко и тяжело они смывались. Провозилась, наверное, час. И еще не знала, что классная руководительница, не обнаружив на первом уроке отличницы, не пропустившей за учебный год ни одного занятия, почему-то разволновалась и позвонила моей маме. Мама тоже разволновалась, потому что самолично надевала на меня шапку и выпроваживала за дверь без пятнадцати восемь. После ударной дозы настойки валерьянки по тревоге был поднят папа, который только доехал до своей работы. А также бабушка, которая жила неподалеку, и вся наша многочисленная родня, проживавшая уже на расстоянии сорока километров, но имевшая собственный автотранспорт, связи в мили-

ции и горячее желание найти ребенка. Родственники выехали немедленно и оказались на месте, опередив даже бабулю и папу... То-то удивлялась, отчищая тушь, что лифт ходит мимо как заведенный, что совсем нехарактерно для времени, когда уже все разошлись и разъехались по учебам и работам.

Я нашлась сама. Оттерев последние мраморные разводы голубеньким шарфиком, поднялась на свой этаж и увидела настезь открытую дверь квартиры. Это конкретно не понравилось. Внутри обнаружилась куча знакомых лиц, смотревших на меня со смешанным чувством ярости и счастья, что не понравилось еще больше. Из глубины доносились мамины и еще чьи-то рыдания. За спиной открылись двери лифта и оттуда вышел весь зеленый папа. По лестнице, тяжело грохоча сапогами, пешком поднимался наряд милиции с овчаркой. Дрожа, стояла в окружении родни и овчарки и понимала, что надо как-то объясниться. Но как? После минуты гробового молчания пришло самое верное решение. Я упала в обморок. Чем поставила точку в затянувшейся сцене. Выглядела и так ужасно. (Еще бы! После часового трения лица колючим шарфом глаза превратились в щелки, а прыщи на лице разрослись в несколько раз и призывно алели.) А обморок довершил картину, благодаря которой родители вызывали скорую, выставив родственников и милицию за дверь.

И вот вечером, когда суета улеглась. Когда с гудящей головой проснулась после антигистаминного препарата, заботливо вколотого приехавшей бригадой... Когда бабулю отпустили из больницы, сделав ЭКГ, капельницу и отпоив корвалолом... Вот тогда-то все же решилась спросить у мамы про свойства отечественной туши. Для конспирации пришлось плести бль про одну свою одноклассницу, которая тайком от родителей накрутила глаза и попала под снег. И напугала своим видом прохожих. Мама посмеялась (насколько могла смеяться после пережитого) и объяснила, что такое отсутствие стойкости – феномен советской косметики. Помада мажется обо все, что есть в радиусе метра, и съедается при облизывании губ. Тушь течет не просто от влаги, а при первых на нее намеках. Именно этим объясняется удивлявший иностранцев факт: по утрам в СССР на работу ехала серая женская масса с лицами-блинчиками. В меховых шапках на глаза или в пуховых платках. Ранних посетителей держали в ожидании – первые полчаса работы учреждений были посвящены марафету. И вот, когда наконец начался прием – вуаля! В каждой конторе, в каждом почтовом отделении, в каждой регистратуре поликлиники сидели просто неземные феи. С ресницами до бровей и пухлыми губками цвета невинной розы.

На следующее утро мои веки распухли и страшно чесались, на белках глаз полопались сосудики. Вид стал как у зомби Апокалипсиса. Полное сходство с голливудским уродцем придавали те места, где раньше были прыщи. За ночь эти прыщи превратились в большие красные шишки. Кажется, крем «Балет» стал для них неплохим катализатором роста.

Мама снова накапала себе валерьянки и повезла меня в детскую поликлинику. В автобусе мы вызвали бурную реакцию у других пассажиров. Люди охали, отворачивались и на всякий случай сдвигались на безопасное расстояние. Молодой парень тут же уступил нам место, а сам быстро слинял в конец автобуса. Еще через остановку какая-то бабка устроила скандал, что, мол, «возють» в общественном транспорте заразных и прокаженных, а она потом ползими болеет, на лекарства всю пенсию тратит. Мама не смогла дать ей достойный отпор – поди поспорь против полного автобуса бабкиных единомышленников. Остаток пути проехали на такси.

В нашей районной детской поликлинике города Железнодорожный нас не ждали. Вернее, не ждал окулист. Оказывается, он принимает два раза в неделю, причем записываться приходилось чуть ли не за месяц по мудреной системе: талончики «выкидывали» в определенные дни с восьми до девяти утра. Надо прибежать и успеть ухватить. С горя пошли к педиатру. Педиатр, пожилая женщина «видавшая и не такое», посоветовала капать в глаза альбуцид и промывать их спитым чаем.

Спитой чай глазам не понравился. Конкретно не понравился... А может, это альбуцид вступил в реакцию с частичками гуталина, еще оставшимися где-то в ресницах? Не знаю. Но на следующий день все стало уже совсем не смешно. Веки раздулись так, что глаза не открывались, а ресницы слиплись от гноя. И подскочила температура.

Моя уже окончательно измученная мама включила сирену еще раз... Опять прилетели родственники, связи у которых были не только в милиции, но и в системе здравоохранения. Меня запихнули в «Жигули» и повезли в Москву, к светилу офтальмологии. Там, под строгим взглядом врача, мне пришлось признаться в несанкционированном родителями использовании туши-гуталина. Врач промолчала. Так же раздраженно промолчала про альбуцид и чай, который порекомендовала участковый педиатр. Нам выдали обширный список таблеток и капель и отпустили лечиться. Как только добрались до дома, первое, что я сделала, – это достала из потаенного места крем «Балет» и тушь и торжественно спустила их в мусоропровод. После этого так же торжественно успокоились и мои гормоны. Они поняли, что ни один мальчик в мире не достоин таких страданий организма.

Просидела тогда на бюллетене недели две. С белками глаз, как у вампира. Тушь-плювалка и отсутствие окулиста в районной поликлинике не прошли в жизни бесследно. Конъюнктивит перешел в хроническую форму. С тех пор каждый год, в конце февраля – начале марта мои веки опухают, сосудики лопаются, и я как минимум на неделю оказываюсь заперта дома. С каплями, примочками и таблетками. Ну и вторая память о том случае – это аллергия на всю отечественную косметику и гуталин. Почесуха начинается даже при приближении к прилавкам магазинов типа «Весна» с их продавщицами в халатиках и широким ассортиментом тональных кремов цвета «Персик».

Н-да. Перечитала сама. Страшновато получилось. Но, надеюсь, поучительно. Поэтому пришла мне в голову идея: в конце каждой истории писать мораль.

Мораль от автора. Специально для тех, кто не понял намеки в самом тексте

Дорогие мамы и папы девочек! Если ваше дитя уже вышло из возраста карапуза, декларирующего с табуретки стихи гостям, если дочь начала интересоваться мальчиками в классе и передачами про красоту по ТВ... Пора принимать меры! Поверьте, рассказы про Катю из 4 «Б», которая пришла в школу с покрашенными желтым лаком ногтями – это не просто информационный шум от вашего ребенка! Это намеки на то, что она хочет тоже. И лучшее, что вы можете сделать, – это полностью поддержать и выдать ей денег на качественную косметику. Вернее, не так. Сходить с дочкой в магазин и проконтролировать выбор. И оплатить на кассе, разумеется.

Ах да. Всякие детские серии декоративной косметики типа «Золушка» и «Моя маленькая пони» у девочек школьного возраста авторитетом не пользуются, поверьте. Будьте готовы купить ей настоящую, «взрослую». В противном случае ребенок все равно найдет, где и как косметику достать, просто вы уже не сможете повлиять на процесс. И неизвестно чем в первый раз в подъезде она накрадется, и сколько потом будет стоить лечение последствий.

«Мокрая химия»

Следующую попытку капитального уллучшайзинга внешности я предприняла только года через три. После переезда и перехода в другую школу.

Да. Родителям дали новую квартиру. Очередь на уллучшение жилищных условий, в которую они встали при рождении моего младшего брата, наконец-то подошла. Всего через десять лет. Нет, очередь подходила и раньше, но до смотрового ордера (а иногда и после), постоянно что-то срывалось, и нас откидывали обратно. Проблема была еще и в том, что мой папа – очень деликатный и воспитанный человек и, несмотря на достаточно высокую должность и серьезное место работы, не мог пойти и стукнуть кулаком по столу. Мама-то как раз периодически подзуживала его это сделать. В смысле – пойти в горисполком и стукнуть кулаком. По столу или по физии того, кто снова отдал наш ордер другим. Когда папе надоедало слушать мамин зудеж, и он понимал, что не отвертеться никак – брал отгул, надевал импортный костюм и галстук, клал во внутренний карман красную книжечку-удостоверение и шел на прием в жилищную комиссию. Там его встречали со всем почтением. Усаживали на мягкий стул, при виде книжечки предлагали пересест в кресло и наливали коньяк. Дальше шел дружеский разговор, как тяжело живетс горисполкому. Опять пришлось отдать квартиры бедным сиротам, которым по выходе из детского дома полагается внеочередное жилье. Под «Арарат» пять звездочек обсуждалась международная обстановка, потом беседа переходила на вопрос кукушек-матерей, которые бросают своих отпрысков на шею государства, а горисполком должен все это расхлебывать, отказывая в законном праве на жилье таким уважаемым людям, как мой отец, который стоит на страже безопасности страны на международной арене. Папа понимающе улыбался, вздыхал и жал на прощанье руку. В коридоре уже нетерпеливо ждали своей очереди возрастные сироты с золотыми зубами, могучими усами и в трескающихся на пузырях рубашках из дефицитного нейлона.

Но вот наконец то ли сироты закончились, то ли просто звезды сошлись, и мы переезжали из двушки в трешку в новостройке. Тоже в панельной многоэтажке, но не в простой, а по чешскому проекту. С уллучшенной планировкой: двумя лоджиями, большой кухней и даже подсобной кладовочкой, куда можно складировать весь с трудом нажитый, но временно ненужный хлам. Дом был на отшибе города. Далеко от станции, далеко от бабушки, далеко от моей школы. Но кладовка и большая кухня, а также появившаяся возможность обустроить себе нормальную спальню, а не мучиться каждый день с раскладным диваном, так воодушевили родителей, что они все недостатки воспринимали со смехом и даже энтузиазмом. Далеко папе утром на работу? Ничего, есть короткий путь к электричке. Двадцатиминутная прогулка через лес дважды в день – не это ли самый быстрый путь к абсолютному здоровью и долголетию? Школа у нас с братом будет новая. Современная, а не убожество с треснувшим линолеумом и крысиной столовой. Что касается бабушки и того, что ей будет трудно приезжать к нам каждый день и

контролировать жизнь семьи... Вот тут-то и заключалось основное счастье. Особенно папино. Мне кажется, в его глазах отдаленность нового жилья от любимой тещи и была главным козырем этой новостройки.

За этими всеми радостями родители просмотрели один, и весьма существенный, минус. Наш новый дом стоял практически вплотную к кладбищу. За домом шла дорога, а сразу за ней – типичная ограда. Кладбище проморгали в прямом смысле. От подъезда его и не заметишь. Часть города не слишком знакомая, «Google Maps» и прочих умных карт тогда не было. Когда пришли со смотровым ордером и глянули на вид из окон седьмого этажа, внизу был заснеженный лесной массив под огромными белыми шапками. Подслеповатый папа обрадовался, что парк так близко. Вечером рассказывал нам с братом, как будем гулять по выходным по этому парку, где наверняка есть детские площадки и карусели. Потом дядя Слава две недели делал в нашей новой квартире ремонт. Он тоже не понял, ЧТО у нас под окнами. Наоборот, нахваливал местоположение дома и концентрированный кислород, который так пьянил, так пьянил, что обои поклеил кривовато, и с кафелем в ванной что-то намудрил. Потом уже родители нашли на лоджии армаду пустых бутылок из-под «концентрированного кислорода», но было поздно. Дядя Слава взял за работу сто рублей и отчалил к другим таким же новоселам.

Так мы и не знали про специфическое соседство, пока субботним утром, на следующий день после переезда, не оказались разбужены всем известной духовой музыкой. Еще и дом имел удивительную акустику. Музыка залетала в лоджии, усиливалась там и доставлялась прямо в уши жильцам. Практически на том же, что и на кладбище, уровне громкости. Не помогали ни стекла, ни то, что похороны были не совсем под окнами – а наискось, на углу дома, у дальнего от нас подъезда. Метрах в трехстах. Услышав спросонья уханье труб и литавр – сначала не поняли откуда. Но все выяснилось через пять минут. Когда, кое-как одевшись, перегнулись через перила лоджии и увидели вход в печальный «парк с аттракционами». Нам-то с папой ничего, а вот мама была суеверной. Очень суеверной.

Вечером был скандал. Речь шла о том, что отец наверняка все знал, не мог же не знать от своих дружков из горисполкома. Просто подписал документы, чтобы как можно быстрее уехать подальше от любимой мамы... то есть тещи. Что он променял свое спокойствие на спокойствие ее и детей, и теперь у нас в квартире наверняка полно сущностей, которые приходят с кладбища погреться. Папе и нам с братом в сущностей как-то не особо верилось. Скорее, раздражала громкая и однообразная музыка под окнами. А также толпы плачущих людей с венками...

Хорошо, что кладбище было старым, и на нем уже не хоронили. Только подзахоранивали в могилы родственников. Но и этого оказалось достаточно. И, главное, похороны происходили непредсказуемо. В будние дни еще ладно. Мы с братом по утрам были в школе, папа – на работе. Мама сбегала на этот период по магазинам и по прочим хозяйственным делам. Но в выходные деться от страшных звуков духового полупьяного оркестра было некуда. Тогда мама придумала, что на субботу и воскресенье мы будем уезжать к бабушке. Все вместе. И это не обсуждается. Папа, услышав распоряжение, побледнел.

Раньше, когда мы жили рядом, он пересекался с тещей только по полчаса в будние дни, когда вечером приезжал с работы и заставал ее у нас «помогающей с внуками». Но и этого ему было достаточно. Поэтому переезда на другой конец города, куда от бабушки три дня на оленях, ждал с тайными надеждами.

Но надеждам не суждено было сбыться... Как только мы переехали, Гортранс сделал жителям первых трех домов на отшибе подарок. Не дожидаясь, пока вокруг вырастет целый микрорайон, транспортники, хоть и себе в убыток, пустили к нашей новостройке от станции маршрутное такси, которое проходило аккуратно по улице, где жила бабуля. Женщиной она была сообразительной и знавшей все новости городка. Сразу же выучила расписание маршрутки и продолжила в прежнем режиме исполнять свой долг: помогать дочери по хозяйству. В марш-

рутке не было льгот для пенсионеров, поэтому расходы на ежедневный проезд тещи к месту службы также легли на папины плечи.

У мамы появилось больше свободного времени. В том числе и на то, чтобы наконец познакомиться с другими новоселами и найти себе подруг. Большая часть женского населения дома оказалась такой же впечатлительной и суеверной. И попавшей в этот нехороший дом приблизительно тем же путем. Через многократный откат назад в очереди, пропускание вперед сирот и доведения до стадии «хоть куда, а там разберемся!» и «какой красивый парк у нас под окнами!». Мама завела в доме подружек, получила источники информации и сплетен. И за ужином делилась ими с папой. Рассказывала, что у одинокой Татьяны Владимировны завелись в спальне две сущности, и она регулярно отбивается от их домогательств. А Лерочка из двадцать восьмой квартиры нашла у себя на лоджии привидение и час его выгоняла мокрой тряпкой и молитвами. Обычно ужин заканчивался скандалом.

Через две недели отец не выдержал. Взял внеочередной отпуск и начал решать весь ком проблем, накопившихся с момента переезда.

Прежде всего он обошел мужиков нашего дома. Пообщался на тему потусторонних заворотов жен. Мужики уже были приблизительно в той же кондиции, что и папа. Все безропотно скинулись на избавление дома от нечисти, а некоторые даже сделали взнос вдвое больше требуемого. Был приглашен батюшка, который под взглядами всех жильцов женского истерического пола обошел дом. Освятил. Окропил, кадилом помахал. И объявил – что больше ни одна зараза с кладбища к нам не сунется. За отдельную плату освятил путь к автобусной остановке и детскую площадку. Батюшка выглядел солидно, говорил уверенно. Женщины выдохнули.

Чтобы закрепить успех, мужчины на оставшиеся пять рублей позвали экстрасенса. Сомневаюсь, что это был настоящий экстрасенс, – видела я уже этого шпендика на раздаче рекламных листовок недалеко от Дома культуры. Но, главное, остальные-то его не видели или не узнали, потому что шпендик пришел в странном оранжевом халате и чалме на голове. Видимо, взял напрокат в том же ДК костюм старика Хоттабыча. «Экстрасенс» так же прошелся по маршруту батюшки, крутя в руке какую-то ерунду из проволоки на палочке. Периодически он резко замирал, припадал к земле и «закрывал энергетические туннели», по которым и «ползли к нам в дом души умерших в виде сгустков». Шпендик как актер был гениален. Это я поняла, когда протиснулась сквозь толпу окруживших «экстрасенса» зрителей. Я, честно говоря, боялась, что наши продвинутые дамы разоблачат бедного раздатчика листовок, но все прошло блестяще. Он нес полную ахинею, наши, поддакивая, несли такую же. Окончательно успокоившиеся женщины разошлись по квартирам, готовить мужьям праздничный ужин в честь победы над темными силами. Расчувствовавшись, папа выдал экстрасенсу рубль сверху от себя, и тот, приподняв полы оранжевого балахона, радостно поскакал к пивной палатке.

Но это еще не все. Отец, пользуясь своими красными корочками и природным обаянием, вошел в доверительные отношения с местными ритуальщиками, и те пообещали не шуметь, отговаривая родственников от оркестра. Как раз у них был конфликт, музыканты не хотели делиться. И, собственно, папина просьба легла на благодатную почву. Трубадуrow послали на фиг, сообщив о секретном распоряжении КГБ. Если уж и были среди хоронивших любители траурной музыки, которые брали оркестр со стороны, то кореша с кладбища старались предупредить заранее.

В таком случае отец вечером отправлял нас с братом по квартирам соседей с оповещением. Это сейчас все просто, есть общедомовые чаты, а тогда роль эсэмэсок выполняли мы. «Дзынь! Здрассти! Папа просил передать – завтра похороны с музыкой. В двенадцать ноль-ноль. Имейте в виду». Работать эсэмэской мне нравилось. Соседи улыбались, передавали отцу спасибо и приветы. Мне отсыпали конфет. Папа явно набирал очки в нашем доме, а мы с Лешей возвращались с полными карманами вкусностей.

Ну и последний удар был нанесен по визитам бабули. Папа самолично съездил в нашу школу и записал брата на продленку. Бабушке сообщил, что у него проблемы на работе и день-гопровод закрыли. Он будет искренне рад видеть тещу у нас дома, но финансировать маршрутки больше не может. Визиты быстро сошли почти на нет – до пары раз в неделю для контроля. Но и это было облегчением.

Жизнь налаживалась.

Вы спросите, а где про красоту и уллучшайзинг? И почему я углубилась в тему кладбища? Каюсь. Увлелась. Но кладбище неразрывно связано с историей о второй попытке усовершенствования внешности. Без столь тщательного описания местоположения нашего дома сложно будет передать весь трагизм и подоплеку ситуации.

Ну а теперь – ближе к теме.

В декабре я пошла в новую школу. Конечно, школа была красивой и современной, как и обещала мама. Стены блестели свежей масляной краской, полы не скрипели, и в столовой стояли очень даже достойные столы и стулья. (Чуть позже узнала, что столовку в вечернее время периодически сдают под банкеты, поэтому хорошая мебель была оправдана с коммерческой точки зрения.) Но как бы ни было все замечательно – переходить было тяжело. В старой школе остались мои два лучших друга. Костя Денисов и Альфия.

Да, через какое-то время после инцидента с тушью мы с Альфией стали подругами. Она, видимо, поняла, что я абсолютно не угрожаю ее популярности среди мальчиков и не претендую ни на одного из почитателей. А мною двигало любопытство – что же там, в голове, которая путает Лермонтова с Пушкиным и не может запомнить даже одно четверостишие?

И с Костей тоже все повернулось на сто восемьдесят градусов. Где-то через год он окончательно простил меня за печенье. И, удостоверившись, что с моей стороны больше не будет поползновений ни на его жизнь, ни на чувства, – вернулся ко мне за парту. И мы подружились. Даже пару раз, чисто по-дружески, он провожал меня до дома и нес портфель.

И вот теперь нужно было все начинать с начала.

Но мне очень повезло. В классе нас таких, новеньких, было двое – я и Наташа из наших домов у кладбища. Только мой дом был корпус один, а у нее корпус три. И ее семья так же, только недавно, переехала в новостройку. Мы с Наташкой моментально подружились и решили держаться вместе.

С шестого класса я изменилась мало. За три года, конечно, выросла, но на фоне одноклассников так и оставалась малявкой с детской фигуркой. И с лицом перемен не произошло – на отечественную косметику была получена пожизненная аллергия, а на импортную не было денег. Поэтому ходила так. С белесыми ресничками, прыщавой мордочкой и волосами, стянутыми резинкой в хвост. Ну и сколиоз третьей степени дополнился лордозом (спасибо тяжелым учебникам, которые я таскала в школу то на левом, то на правом плече). С виду Наташка была мне как сестра. Может, только ростом чуть повыше и цвет волос чуть потемнее. А так – все те же прыщи, та же осанка, та же прическа. Встретишь в темном коридоре – и не отличишь. Столь заурядные внешние данные сблизили нас, пожалуй, даже больше, чем соседство. Мы заняли одну из парт и начали наблюдать за обстановкой.

Обстановочка, если честно, была странной. Школа делилась на две группировки. Как часто водится – по территориальному признаку. Район облупившихся панельных пятиэтажек и барачков, построенных еще немцами после войны, примыкал к школе с востока. На противоположной, западной стороне стояли два квартала современных кирпичных домов по индивидуальному проекту. Можно сказать, суперэлитка по тем временам. Назло всем природоохранным организациям она угнездилась на берегу озера и в окружении березовой рощи. Понятно, что эти дома были не для простых смертных. И даже не для «сирот».

«Дети Запада» отличались от остального контингента школы, как жители ФРГ от гэдэ-эровцев. Нет, наверное, даже сильнее. Каждый ребенок – картинка. Внешность, одежда, вос-

питание. Мамы в бриллиантах на родительском собрании. Папы на блестящих машинах, подвизавшие золотых деток в школу, чтобы тем не месить новыми американскими кроссовками грязь на тропинке через рошу, даром что там всего триста метров. Понятно, что таких деток было меньшинство. Шедевров много не бывает. У нас в классе их было четверо. Два парня и две девушки. Остальное население – жевуны и мигуны из восточного района. Планктон рабочих окраин. Неполные семьи, комната в бараке, у многих печать потомственного алкоголизма на лице и куцее здоровье. Мы, как представители непонятного пока Северного мира, состоявшего всего из трех домов, были чужаками. И для элиты, и для мигунов. Для первых были «недо-», для вторых – «слишком». Поэтому чувствовали себя в вакууме. У одноклассников, а в особенности у божественной четверки, отсутствовал интерес к двум маленьким прыщавым девочкам. За первый месяц в нашу сторону они не посмотрели ни разу. «Западные» детки жили в каком-то своем мире, отгороженные от плебса толстым слоем стекла. Причем стекла матового. Наши лица небожители разглядеть не могли, впрочем, они их и не интересовали. Эти четверо сидели все вместе на двух последних партах среднего ряда, и там на них всегда падал солнечный луч. Или это от четверки исходило золотое сияние? Вернее, от одного из четверки, от единственного взгляда на которого мои спящие гормоны проснулись и взбесились. Причем спросонья они, гады, не разобрались и, к несчастью, выбрали все самое лучшее. Самого красивого мальчика не только параллели, но и всей школы. Почти бога. Сына какой-то шишки райисполкома. Высокого блондина с голливудскими чертами лица и чуть рассеянной, мимолетной улыбкой.

Когда у нас был урок физкультуры, девочки из классов помладше сбегали со своих занятий и подсматривали сквозь щель двери, как наш бог делает тридцать отжиманий на турнике под одобрительное бурчание пожилого физрука. Мышцы Миши (так звали бога) равномерно и плавно вздувались под тонкой футболкой фирмы «Адидас», капли пота святой росой выпали на высоком лбу... Девочки за дверью млели и отталкивали друг друга, чтобы не заслоняли обзор. Да что там эти малолетки! Вся женская часть нашего класса, которая в это время должна была играть в волейбол, замирала. Мячик улетал далеко в угол зала, и одна из нас шла за ним, постоянно оглядываясь на Мишу. А остальные молились, чтобы шла она долго и дала досмотреть...

Разумеется, как у каждого бога, у Миши была свита. Разумеется, жившая в тех же кирпичных дворцах. Лучший друг и сосед по парте, который уже устал от подкатов желавших познакомиться поближе не с ним, а через него, и две девочки практически такой же божественной красоты. Белозубые улыбки, импортная косметика, прически явно салонного изготовления. К тому же эти дивы к своим пятнадцати годам уже имели полностью сформированный, шикарный, минимум третий размер и идеальные формы. Не хуже, чем у Альфии. Пышности обтягивались остродефицитными турецкими свитерками из ангорки с богатой вышивкой бусинами и блестками. Кто помнит, такие ангорки стоили безумных денег у перекупщиков и даже директор школы имела подобную роскошь лишь на выход в свет и приезды различных контролирующих инстанций. Впрочем, родители этих двух девочек были обеспеченнее, чем какая-то там директриса заштатной школы. Все же директор гастронома и директор автосервиса – звучит намного солиднее. Поэтому у дочек было не по одному, а по несколько таких свитерков разных цветов и фасонов. На зависть всему трудовому коллективу школы, включая директора.

На задних партах всегда царил оживление. Там было весело, обсуждались походы в кино после уроков и дискотеки в ближайшем ДК. Пылинки в воздухе завихрялись в ритмах Сандры и Сиси Кэтч, а лучи солнца высвечивали и блестки на одежде, и золотые прядки мелирования в волосах красоток Тани и Жанны... Когда раздавался очередной взрыв хохота – учителя не орали на них, как на остальных. Поджав губы, молчали. Видимо, вспоминая и подаренные к праздникам продуктовые наборы, и ремонт «жигулей» по официальным расценкам. Весь класс пользовался передышкой, резко поворачивался на хохот и мечтал переместиться в его

эпицентр. В потоки света. Туда, где нет бед, безденежья и пьяных родителей. Где обсуждается новый фильм по видеаку или поездка в выходные на дачу в Малаховку, на шашлыки. И я тоже всем своим сколиозом поворачивалась на солнечный свет и смеялась громче всех. И мечтала, чтобы Миша хоть раз обратил на меня внимание.

Но мне уже было пятнадцать. Я росла умненькой девочкой и достаточно быстро поняла полную расстановку сил. Уяснив, что ничего мне не светит и место под солнцем плотно занято блестками и грудями – тупо ударились в учебу. С ней-то как раз дело обстояло намного лучше. Оказалось, что я перевелась из более сильной школы, которая ушла далеко вперед и даже преподавала ученикам кое-что сверх программы. Меня полюбили учителя, а я полюбила отвечать у доски. И отвечала. Вся такая интеллектуальная и правильная. Демонстрировала свой широкий кругозор, начитанность и отличное знание химических процессов при реакциях азота. Сначала меня смущало, что отвечаю только для учительницы. Мои «выступления» проходили под разговоры и смех на задних партах. Разумеется, это возмущало, бесило... а потом привыкла, и стало все равно. И, как ни странно, это начало срабатывать.

Где-то через месяц я поймала на себе первый взгляд своего кумира... Потом еще один. Вроде рассеянный, но с какими-то проблесками изумления, что ли. При моих ответах его шутки прекращались. И он сам замолкал. Пару раз даже цыкнул на свою свиту.

И вот неожиданно случился прорыв. Он сам подошел и попросил тетрадь. Списать домашку по алгебре. Правда, обратился ко мне «Катя», да и потом вернул тетрадь не мне, а подруге. Видимо, все же еще нас с Наташкой путал... Но это был прогресс!

Приближалось Восьмое марта, а вместе с ним и «мероприятие года» – дискотека в школьной столовой, которую совет старшеклассников с боем отвоевал у «корпоративщиков». Видимо, это и сподвигло меня на вторую попытку смены имиджа. Снова вспомнила, что я серая мышь и мне требуется уллучшайзинг. Отсидев дома неделю с традиционным конъюнктивитом и решив, что лимит плохого на этот год уже исчерпан, – исследовала перед зеркалом свой образ и пришла к выводу, что менять придется многое.

Как раз накануне случайно увидела в руках своего божественного одноклассника журнал с портретом Сиси Кэтч. Мальчики обсуждали ее в весьма положительных тонах и даже хотели жениться на этой диве... ну либо пригласить на шашлыки и пиво. Я решила стать такой же. С ворохом кудрявых волос, дерзким взглядом хорошо подведенных глаз и большой грудью, стыдливо распирающей обтягивающую маечку до пупка.

По пути из школы купила кочан капусты, твердо пообещав себе съесть в день по половине. В надежде на то, что к Восьмому марта и дискотеке из моего нулевого что-то вырастет. Ну а если еще не вырастет – заменим ватой. Пока идет процесс формирования пышного бюста, следовало заняться волосами и глазами. Памятуя о не особо удачном опыте с тушью-плювалкой, было расстроилась, так как импортная стоила кучу денег. Но выручила верная подруга Наташа, пообещав перед дискотекой взять у мамы итальянскую тушь «PUPA» в красном флакончике с зеркальцем и карандаш для подводки. Вопрос с глазами был закрыт. А вот волосы напрокат взять было невозможно. Требовался серьезный и профессиональный подход, который бы полностью отвечал современным тенденциям моды. А именно – «мокрая химия».

Для тех, кто не знает, что это такое, в силу юного возраста или, наоборот, старческой амнезии – краткий экскурс в мир гламура и красоты конца восьмидесятых. Помните группу «Еurore»? Если не помните – то «Google» вам в помощь. Посмотрели? Вот. По мальчику-солисту сходила с ума половина девочек постсоветского пространства. Вторая половина сходила с ума по прическам этого коллектива. Понятно, что кудряшки и пышность музыкантам достались не от природы, а возникли с помощью хитрых манипуляций парикмахеров. Эти манипуляции в наших салонах называли странным словосочетанием: «мокрая химия». Проще – это салонная завивка, позволявшая превратить блестящие прямые волосы в «баран» минимум на два-три месяца, а вернее, на все время, пока не отрастут новые. Из минусов – химические

вещества, которыми обрабатывали прическу, портили качество шевелюры напрочь, превращая ее в сухую солому. Но кто об этом думал? Когда была возможность стать крутой и надолго? И всего за одно посещение парикмахерской и за небольшую сумму в рублях?

Вернее, мне это так казалось. Пока не зашла в ближайший салон красоты и не узнала цену. Мама дорогая! Двадцать пять рублей! Это как сейчас десять тысяч. Не меньше. Правда, ближайший к школе салон был с элементами свеженького евроремонта и позолоты, что внушало серьезные подозрения в том, что цены тут завышены. Надо было искать дешевле. В те времена без Интернета маркетинг осуществлялся исключительно пешим способом. За несколько дней я обошла все пять парикмахерских и салонов города Железнодорожный и сделала неутешительные выводы: за мою длину волос дешевле двадцати пяти рублей никто не брался. А у меня было отложено только десять. Ну еще два могла выпросить у папы без долгих выяснений, зачем ребенку понадобилась такая невероятно большая сумма.

На самом деле в прейскурантах парикмахерских «мокрая химия» оценивалась рублём в пятнадцать – двадцать. Но когда мастера разглядывали и щупали мою шевелюру – ценник сразу вырастал чуть ли не в два раза. За «сложность». Мастера цокали языками, говорили, что мне очень повезло с такими густыми и чуть вьющимися волосами, и просили не трогать «красоту». Какая, к черту, красота? Если не позволяет сделать модные спиральки бюджетно?

До дискотеки, на которой просто обязана была покорить сердце Миши, оставалась какая-то пара недель. И я уж было совсем сникла и собиралась в гости к бабушке, порыться на антресолях в поисках бигуди, как меня опять выручила Наташа.

Она на тот момент тоже страдала от неразделенной любви к какому-то десятикласснику и полностью поддерживала мои начинания, предполагая позже пойти по моим стопам. Если опыт улчшайзинга окажется удачным и принесет плоды. Поэтому подруга также занималась маркетингом в этой сфере. И вот наконец повезло.

Какая-то дочь подруги ее матери недавно закончила парикмахерское ПТУ и готова была сделать мне вожделенную «мокрую химию» за вменяемые двенадцать рублей.

Порывшись по карманам папы и по дну маминной сумки, я как раз наскребла недостающую сумму. И еще тридцать копеек на электричку. Потому что за волшебной химией предстояло ехать аж две остановки. В Салтыковку.

На следующий день, зажимая в руке бумажку с именем мастера и адресом парикмахерской, я продиралась сквозь вещевые ряды Салтыковского колхозного рынка. Салон с названием «Мечта» находился где-то за ними.

Кстати. Колхозный рынок в Салтыковке был в те времена просто культовым местом для модников Москвы и Подмосковья. Боско де Чильенжи и «Садовод» в одном флаконе. За бабками с редиской и южанами с пирамидками воощеных фруктов тянулись неисчерпаемые ряды челноков и кооперативщиков. На ветру развевались плиссированные юбки и кофты из люрекса. Из каждой палатки с кассетами и плакатиками звезд орала музыка. На любой вкус. Хочешь – тебе Юра Шатунов, хочешь – Шуфутинский. Палаточники были люди глухие и/или не жадные. Вставай к любой палатке и слушай бесплатно, что заблагорассудится. У входа на рынок блестяли лаком вишневые «девятки» и тонированные «шахи» наиболее удачливых торговцев фруктами, музыкой и люрексом. Парикмахерская «Мечта» тоже, видимо, была культовой – ведь в ней делали супермодную химию по демпинговым ценам, и можно было полностью преобразиться всего лишь за один визит на этот волшебный колхозный рынок, в этот оазис люкса и красоты.

И вот, проплутав по рядам и оглохнув от современной музыки, я наконец добралась до «Мечты». Это был обычный совковый салон красоты с колпаками фенов, портретами красивых дам, рекламирующих «Wella», и волосами всех цветов на полу. Ну и запахом отдушек и парикмахерских суспензий, который шибал в нос еще при входе. В женской части зала было тихо. В мужской же – кипела работа по приведению в порядок смуглых усачей из-за прилавков

с помидорами. Я спросила мастера Марину, и ее пошли звать в курилку. А пока усадили меня в потертое кресло из кожзама и предложили кофе (зачеркнуто), окатили смесью удивления и презрения.

Марина, видимо, неоднократно становилась «Мисс» своего ПТУ и была воплощением моего идеала: мини-юбка в обтяг, кофточка тоже (и было что обтягивать). Каблуки нескончаемые, колготки в сетку, пластмассовые крупные клипсы. Грим на лице трудоемкий. Просто Сиси Кэтч и Сандра в одном флаконе! И даже лучше! Ведь волосы были выбелены в изумительный желтый оттенок и свиты в кудри мокрой химией... именно такой, как хотелось и мне. Когда красавица не спеша прошла через мужскую часть зала, покачивая хорошо обтянутыми бедрами, усачи задергались так, будто им всем одновременно откромсали по пол-уха. Тетки-мастера в халатах тоже задергались, в очередной раз наливаясь злобой к новенькой выскочке, которая, видимо, за месяц работы произвела фурор в рядах продавцов колхозного рынка и прибавила мужскому залу работы по обслуживанию зачастивших в парикмахерскую джигитов.

– Это ты от Маргариты Владимировны? А почему мне не сказали, что приедет ребенок? Я детей не стригу!

Я, остолбенев от восхищения и смущения одновременно, яростно закивала и показала на ее кудри.

– Я такую же химию хочу сделать.

– Тебе сказали, сколько химия стоит? Я вообще-то пятнадцать за длинные волосы беру. Но для Маргариты пообещала скидку сделать. До тринадцати. У тебя деньги-то с собой? Покажи! И оплата вперед.

В глазах почернело. Какие тринадцать? У меня же впритык! Еще десять копеек осталось на чебурек... И все. И тут мне пришла идея.

– А на короткие дешевле? Сколько стоит?

– Короткие дешевле. Состав-то меньше идет. На длину до тридцати сантиметров сделаю за восемь. Но стрижка еще рубль.

В принципе вырисовывалась неплохая арифметика. Так у меня еще и останется.

– Режьте!

На пол полетели мои длинные пряди (зачеркнуто). Она занесла ножницы.

– Ой. Нет. Тебе самой не жалко? – в голосе Марины наконец проскочили человеческие ноты. – Сколько растила? С детского сада? И ты понимаешь, что такое тридцать сантиметров? Они же еще после завивки поднимутся. Ты будешь воон как та мадам. – Она махнула рукой на толстую парикмахершу с «бараном» на голове. На ту, которая при торжественном Мариночкином дефиле шипела больше всего.

Не. Как та мадам я быть не хотела. Совсем. Этим точно не покорить Мишино сердце.

Парикмахерша, видимо, даже через жужжание фена почувствовала, что говорят о ней, причем в пренебрежительном тоне. Бросила докрамсывать затылок очередного усача, метнула в нашу сторону нервный взгляд, достала сигареты из кармана халата и пошла перекурить оскорбление в подсобку.

– Ну а что же делать? Как же? – Я же уже сидела в кресле, накрытая клеенкой.

– Ну хорошо. Давай так. Сейчас заплатишь двенадцать рублей. А остальное завезешь завтра. Рубль и два восемьдесят за гель. Тебе же гель нужен для укладки?

Вот про гель для меня было откровением. Но тут уже не до экономии. Придется папу грабить еще раз.

Марина подумала еще.

– В принципе... знаешь, у нас есть состав подешевле. Польский. Если его брать, то уложимся в десять рублей на ту длину, которая есть. Еще и на гель скидочку сделаю.

– А что за польский? Он нормальный?

– Нормальный. Держит хорошо, – с некоторой задумчивостью отозвалась мастер. – Просто польский.

Нет бы мне тогда подумать, что это Марина такая добрая стала и дает цены ниже рынка! Но желание сэкономить, да еще и получить гель со скидкой, напрочь отключило мозг. Если, конечно, он у меня тогда был.

– Делайте!

Мисс ПТУ ловко нарезала мне волосы на проборы. Достала большой полиэтиленовый мешок с бигуди-«коклюшками» (судя по потрепанному виду, либо купленными б/у, либо доставшимися в наследство от старейшего мастера салона после ухода на пенсию).

Что такое коклюшки для химии? Это такие тоненькие палочки-бигуди, на каждую из которых надо накрутить тооненькую прядку волос и крепко-накрепко обвить это дело резинкой.

Вот этой накруткой Марина и занималась следующие часа полтора. Я, честно говоря, не ожидала такой продолжительной и нудной процедуры. Кажется, минут через двадцать отключилась. Встала-то в школу в семь. Потом семь уроков. После школы бегом на электричку без захода домой. Вдобавок в тот день я ничего не ела, потому что сэкономила на еде в школьной столовой (а иначе как скопила бы десятку на прическу?). И вот я сидела в этом потрескавшемся кресле и мечтала или о чебуреке, или о голодном обмороке. Второе сбылось. Очнулась от крика мастера прямо над ухом:

– Девочки! У меня закончились коклюшки! Кто даст свои?

Коллеги-«девочки» со злорадством переглянулись.

– Прости, Марин! У меня у самой запись на химию. На пять часов.

– У меня тоже. Лишних нет.

Волна злорадства докатилась и до мужского зала. Мастера повывключали свои фены-жужжалки. И с приторным сочувствием сообщили, что «у них откуда ж? В мужском зале?»

Лицо Марины в зеркале так вытянулось, что я окончательно пришла в себя. Вечерело. За полтора часа у меня была накручена только половина головы, на что ушел стандартный комплект бигуди. Тут до нас обеих дошли истины. До меня: почему в других салонах более опытные мастера просили у меня двойную цену. До Марины: какого хрена она со мной связалась? Мы и до ночи не закончим. А может, и вообще не закончим. Коклюшек-то нет. А если бы и были... еще полтора часа на вторую половину волос, и потом час сидеть мне с раствором под колпаком фена. А салон до восьми. Расплетать было уже не в тему... Время потрачено. И чек пробит в кассе.

Еще раз обзрев сделанное, мастер аккуратно поинтересовалась, могу ли я завтра в школе не снимать шапку? Оставить все как есть, а после уроков опять приехать в Салтыковку, мастер как раз где-нибудь нароем второй комплект бигуди, и мы завершим начатое. У меня на это были возражения. Что до школы дело не дойдет. Родители, увидев у меня на голове ЭТО – расплетут коклюшки сами и выкинут их в мусоропровод. И раз плакали мои десять рублей, добытые в честном бою борьбы с голодом на больших переменах, то защищать драгоценный набор для химии я мстительно не буду. И Марина останется без заработка.

Ситуация становилась патовой.

Минутная стрелка на часах приближала нас к точке невозврата.

И тут произошло чудо. Та самая дама с «бараном», отпустив очередного обкромсанного клиента, скрылась в подсобке на перекур и вернулась с мешком коклюшек. Отодвинула уже совершенно растерявшуюся Марину и сама начала быстро накручивать прядки. Правда, после первой бигудюхи наконец внимательно всмотрелась в мое лицо. Ахнула. Спросила, в каком я классе и не живу ли на улице Пионерская. А то у ее соседки дочь-шестиклассница точь-в-точь. И щас бы она позвонила моим родителям. Чтоб задали трепку.

У опытного мастера дело пошло быстрее. Марина, извиняясь, что-то поскуливала рядом и пыталась помочь. Но «барашке» помощь не требовалась. Пальцы летали, как молнии. Все это действие сопровождалось ворчанием «Ишь, шалавы. Пороть некому... Что одну, что вторую». Когда мисс ПТУ, звеня клипсами и уже не виляя бедрами, убежала покурить, толстая мастерица спросила у меня вполголоса:

– Маринка тебе гель-то предлагала? Не бери. Во втором ряду у Ахмеда он продается. Красненький. В баночке. По рупь двадцать. Скажешь ему: «от Верунчика из „Мечты“» – за рубль отдаст.

Через сорок минут вся моя шевелюра была накручена на пластмассовые палочки и я напоминала суперьежа.

«Барашка» торжествующе посмотрела на часы и сдала меня с рук на руки вконец униженной Марине для следующей процедуры: пропитки «ежика» химическим составом.

Моя красная пэтэушница подобострастно лепетала: «Спасибо, Вера Сергеевна! Спасибо! Вы меня так выручили!» и чуть ли не кланялась в ноги.

Вера Сергеевна полным достоинства жестом отряхнула халат и засунула в карман пустой мешок из-под коклюшек:

– Что значит «спасибо»? Половину отдашь. Сколько ты с нее взяла? Двадцать? Десятка с тебя.

Марина стала еще краснее.

– Какие двадцать? Мы всего на десять договорились. С польским составом.

Толстая парикмахерша осеклась.

– Какой польский? Это что в подсобке за диваном банка стоит? Что нам в ноябре привезли?

Повисла нехорошая пауза.

– Да.

«Барашка» второй раз внимательно посмотрела на меня. И на мое лицо. Потом на Марину. Потом опять на меня. Во взгляде промелькнула жалость. Впрочем, очень быстро промелькнула. Вера Сергеевна была при исполнении, и лимит доброты на этот день уже был исчерпан помощью ненавистой Мариночке.

– А-а-а... Ну тогда да. Ладно. Пятерку отдашь. – И виляя бедрами не хуже мисс, пошла к себе, к своим южным клиентам.

Банка была действительно с польскими словами. Но, кажется, это был не состав для парикмахеров, а отходы от разработки поляками химического оружия... Когда банку открыли, по салону поплыла невероятная вонь. Такая вонь, что даже в мужском зале начали чихать и тереть глаза. Клиенты просили заканчивать побыстрее и с шуточками про противогазы стремились на выход. Новые заходили в предбанник, тянули носами и выскакивали обратно, на свежий воздух. И вот эта духовитая масса в спешном порядке наносилась мне на волосы тоже трущей глаза Мариночкой. Я сидела, крепко зажмурившись, заткнув нос и стараясь дышать ртом. Слава богу, это быстро закончилось. Мне на ежик натянули полиэтиленовый пакет, потом еще один... Потом на час посадили под колпак сушиться. Банку быстро запечатали, завернули в тридцать три мешочка и унесли обратно в подсобку. Салон проветрили. Запах стал меньше. Неприхотливые клиенты снова потянулись за красотой.

Потом смывка состава, раскручивание коклюшек. Опять смыв, сушка, укладка. Парикмахерская закрывалась в восемь, но в это время мои волосы были еще где-то на середине процесса. Марине выдали ключ, научили, как поставить помещение на сигнализацию. И мы остались в салоне вдвоем. К концу действия, когда Марина укладывала упругие спиральки гелем из своих личных запасов – вонь уже не была такой ужасающей. То ли мы к этому моменту привыкли, то ли действительно состав вымылся из волос и они стали пахнуть меньше... Нет, оказывается, не вымылся и не стали. Когда в десятом часу вечера я влезла в полную элек-

тричку, половина вагона начала оборачиваться, инстинктивно пытаюсь отодвинуться от меня подальше. Но кудри были тщательно упакованы под шапку, а заподозрить маленькую бледненькую девочку в обладании мощным химическим оружием было как-то странно. Поэтому внимание приковалось не ко мне, а к зашедшему следом бомжу, которому после настойчивых просьб пассажиров пришлось спешно покинуть поезд на следующей станции.

Дома было все спокойно, родители не сомневались, что я засиделась в гостях у Наташи, и еще не начинали бить тревогу. Они мирно смотрели телевизор и готовились ко сну, что позволило мне без лишних объяснений в шапке проскочить к себе в комнату. На счастье, мой младший брат, с которым делила комнату, ночевал у бабушки. Только это его спасло от удушья в ту ночь.

Утро началось со скандала родителей. Мама предъявляла папе претензии, что он совсем не выполняет свои супружеские обязанности и не выносит мусор. И что воняет что-то из просыпанного когда-то переполненного ведра. И вот теперь как жить дальше? Папа предъявлял претензии маме, что это она плохая хозяйка. И что у нее вечно что-то старое стоит в холодильнике. И вот теперь это протухло. И как жить дальше?

Я посмотрела на себя в зеркало и осталась довольна результатом. Спиральки были идеальные. Гель схватил их намертво. И ни шапка вечером, ни подушка ночью не смогли нанести урон.

В школе тоже произвела фурор. Еще в вестибюле, до звонка, когда пробежала рысью в раздевалку, заметила в отдалении компанию наших мальчиков, среди которых выделялся блондинистый Миша. Одноклассники свернули головы мне вслед и бурно отреагировали на красоту.

– О, смотрите, Миледи!

– А, эта? Че, из нашего класса, да?

Окрыленная, заскочила в туалет, привести в порядок кудри, с которыми неслась по улице без шапки, а потом, через несколько минут после звонка, ворвалась в класс. Урок уже начался, но с моим появлением прервался. Вопреки всем законам физики, солнечный луч сразу упал на меня, открывшую дверь и извиняющуюся за опоздание. И этот свет так и сопровождал, когда я, наконец распрямив сколиозную спину, под одобрителный и восхищенный ропот шла на свое место. Усевшись к обалдевшей подруге, обернулась к задним партам – золотые девочки Таня и Жанна сидели в тени, с перекошенными лицами. А Миша, о, он смотрел на меня! И в глазах идола плескался яркий интерес. Спасибо, небо! Я не зря мучилась вчера!

А еще на меня смотрела побелевшая и прерванная на полуслове русичка, которая как раз перед моим приходом начала вещать что-то про некрасивую Наташу Ростову, покорившую Болконского своей душой. Но меня уже этими наивными выводами классиков было не купить. Опыт доказывал обратное. И я сама, с восхитительной гривой волос, являлась тому ярким подтверждением. Достаточно было посмотреть на моментальный успех у мужской части класса, которая уже пускала слюни и терла свою первую поросль на лице.

Русичка побледнела еще больше и выскочила из класса.

Одобрение и вопросы одноклассников пошли уже в полный голос, со всех сторон: «Ой, круто тебе! А где делала? Сколько стоит?» Вдруг диссонансом прозвучал вопрос Миши: «А что это у нас за вонь? Хомячок за плинтусом сдох?» Одноклассники бросили обсуждение меня прекрасной и привычно вздрогнули над шуткой кумира. И я автоматически, со смехом, развернулась к задним рядам. И столкнулась взглядом с Мишей, который смотрел на меня не просто восхищенно, а даже как-то заискивающе. Боже! Он же и шутил только для меня! Или не для меня? Или не шутил? Он как-то странно поводил носом. Впрочем, и остальные стали принюхиваться и делать гримасы: «буэ-э-э...» Наиболее впечатлительные кривляки зажимали носы и трагически стонали: «Ужасно! Какая вонь в этом кабинете!»

Как раз на пике стенаний и попыток открыть окно для проветривания вернулась русичка. И не одна, а с завучем. Завуч, увидев меня, тоже побледнела. Приказала собрать вещи и без

родителей не являться. Последнее, что слышала, закрывая за собой дверь класса, это был голос завуча: «Ольга Александровна! А чем у вас в классе так пахнет? Почему вы молчали? Надо срочно вызывать СЭС!»

Дома мама по пятому разу перетирала кухню. Холодильник стоял размороженный. Я передала пожелание завуча видеть ее в школе. Причем желательно немедленно. Мама даже обрадовалась. Первый раз за все девять лет моего обучения вызывали в школу, и ей предстояло получить доселе неизведанный опыт. Опять же, будет о чем поговорить с соседками во дворе. А то все только и обсуждают, как вызывают злые педагоги и нещадно песочат за проступки отпрысков-ангелов. А моя маман лишь кивает как болванчик и поддакивает. Своего вставить-то и нечего.

Пока мама метнулась к шкафу выбирать наряд для похода в школу, быстро проскочила в ванную, сняла любимую шапку и выпрыскала на волосы половину маминого флакона «Magie Noire». Сверху залакировала папиным «Savage». Вонь от химии уже не чувствовала, но вот от парфюма кружилась голова. Напутствовав мамочку, в каком кабинете найти завуча и как ее зовут, пообещала подойти чуть позже.

Подошла.

Из-за дверей кабинета слышались не только голоса завуча и моей мамы, но и директора.

– Вот скажите, вот где она деньги взяла? Это же двадцать пять рублей в нашей парикмахерской! Это же даже нам, взрослым людям, не по карману! Может, она проституцией после уроков подрабатывает? «Интердевочку» смотрели?

Раздался сдавленный ох моей мамы, а потом ее голос:

– Деньги? Я дала. Могу же подарить на день рождения ребенку? А она потратила по своему усмотрению.

Опять вклинился визгливый голос завуча:

– Вот чему вы учите дочь, даря ей такие большие суммы, а? И вообще, что это за подарки такие? Деньгами? Надо дарить книги. О хорошем, о вечном. О добре!

– Я вообще не понимаю, как ваш ребенок, с таким воспитанием и настроением, собирается заканчивать школу?! Ну закончит, а дальше что? Дискотеки и панель? Валяй-пляши?

– У ребенка-то вообще отец есть? Куда он смотрит? Или вы одна дочь воспитываете? Мать-одиночка?

Опять мама, уже увереннее:

– Отец? Есть. Мой муж (далее неразборчиво). И он полностью одобряет мою методику воспитания. Мы не так давно приехали из Латинской Америки. У мужа была очередная командировка. Так вот, в школе при посольстве...

Директор с завучем осеклись.

Я поняла, что надо свинчивать. Разговор идет к концу, победа осталась за мамой. И без меня прекрасно обошлись.

Поеду-ка снова в Салтыковку. Разузнаю в салоне про противоядие от невыносимой вонь, мешающей мне чувствовать себя счастливой. И куплю гель у Ахмета. Как раз еще остались деньги.

Кстати, временным противоядием стал французский парфюм родителей. В такой ударной дозе. По коридору школы я шла, оставляя за собой шлейф аромата дорогого бутика, а не стухшей селедки, завернутой в носки бомжа. Но в том-то и дело, что французский антидот был не выходом из положения. Слишком накладно получалось бы – каждое утро выливать на себя по полфлакона. С учетом того, что всякие там «Ланкомы» и «Диоры» были в страшном дефиците и стоили не меньше все той же колоссальной суммы в двадцать пять рублей, которая так напугала директора с завучем. И, возможно, мою маму. Но это пока не точно. Узнаю дома. И да, вот еще что: неизвестно, какой из запахов ее расстроит больше – вонь «мокрой химии» или вонь «мокрой химии», завуалированной ее драгоценным «Magie Noire».

Но убежать не успела. Прозвенел звонок на перемену, и дети моментально посыпались из кабинетов в коридор, отрезая мне путь к быстрому отходу. На повороте столкнулась и со своим классом. Аромат парфюмерной лавки, который распространяла вокруг себя на километр, стал вторым ударом под дых красоткам Жанне с Таней. И вездесущей русичке, которая также неожиданно вынырнула из-за угла.

– Зотова! Что ты здесь делаешь? Тебе же завуч русским языком сказала – без родителей в школе не появляться!

Я выпрямила спину.

– Что вы, Ольга Александровна! Я в школе с мамой. Она уже пришла пообщаться с руководством. – И спокойно махнула рукой в другой конец коридора. Там открывалась тяжелая, обитая клеенкой дверь. И из-за нее неторопливо выплывала моя мама. Директор и завуч провожали ее с почтением и даже каким-то заискиванием.

– Девочка уникальных способностей! Пойдет на медаль, даже не сомневайтесь! Приложим все усилия! Так рады, что выбрали именно нашу школу! Давайте проводим! Нет-нет, что вы. Совершенно не сложно.

Кто-то из моих одноклассников присвистнул. Русичка зашаталась, получив уже третий удар за день. Жанна с Таней, отбросив обиды и скроив улыбки на мордах, оттеснили окруживших меня ребят.

– Классная «химия»! В Москве делала? В «Чародейке», на Калининском? За пятьдесят рублей? Не у Ирины?

– Да.

Жанна ткнула подругу в бок:

– Вот видишь! Я же говорила! Такой завиток только там умеют!

– Слушай, Лен! А что вечером делаешь? Приходи в гости! Видак посмотрим. Отец новый фильм принес. Обалденный! «Школа стюардесс». Ты вообще крутая, давно тебя хотели в гости позвать.

Но наслаждаться внезапной дружбой золотых девочек уже не могла, из-за серьезных сомнений в стойкости парфюма и дальновзоркости моей мамы. Если она меня увидит – придется идти с ней домой. И прощай Салтыковка. Если парфюм выветрится, а это может произойти в любой момент, вонь снова накроет нас с головой. И уже ни дружбы, ни видака. Надо было бежать. Как Золушке с бала.

Что и сделала, поспешно попрощавшись и рванув к другой лестнице, чтобы не столкнуться с мамой.

– Зотова! А ты это куда? У вас сейчас еще один урок. История. – Это все та же неугомонная русичка. Впрочем, сбавившая тон и сделавшая его даже несколько любезным.

– Простите! Иду домой! Адская головная боль! В вашем кабинете был такой запах, что до сих пор подташнивает.

И тут, неожиданно для меня, весь класс грянул хохотом. С той же амплитудой и теми же нотами, как смеялись над шутками Миши. А он, он смеялся громче всех. И дополнил мой успех:

– Это у Оль Санны в ящике бутерброды протухли, наверное! Вы ж постоянно что-то жуете на уроках! Да, Оль Санна?

Одноклассники закатились повторно. Кто-то бил себя ладонью по бедру, кто-то вытирал выступившие от смеха слезы. И все смотрели на меня с обожанием. Похоже, вдобавок к принцу, в классе появилась новая принцесса. Ноги подкосились. Вот он, миг перехода в другое качество и в заоблачную крутизну, о которой даже и не могла мечтать раньше. Я почувствовала себя Золушкой, которая в своих хрустальных туфельках и волшебном платье стоит перед толпой восхищенных подданных королевства. Вдруг среди них мелькнуло печальное и растерянное лицо моей Наташки. Сердце сильно кольнуло. То ли совесть, то ли жалость.

– Наташ! В пять у тебя! Будешь дома?

Наташка просияла, а я развернулась и помчалась вниз по лестнице. Разумеется, по законам сказки, принц рванул за мной и почти догнал на первом этаже.

– Ленк! А может, на выходных ходим в кино? Я билеты возьму. Сможешь в субботу?

Но мне было не до него. Чем ближе ко мне приближался Миша, тем сильнее я ощущала на себе запах свалки. Похоже, французский парфюм сдался в неравном бою. Кое-как нацепив шапку и сунув одну руку в рукав, наконец выскочила на крыльцо. Из окна, через непромытое стекло, на меня ошарашенно смотрел самый красивый мальчик школы. Да что школы, всего мира.

В салоне в Салтыковке Марины не было.

– Плохо себя чувствует. Взяла отгул. Тошнит ее чета. Может, беременна?

Мои ноги подкосились. Но, впрочем, в мужском зале мастер с барашком была на месте.

– Здравствуйте, Вера Сергеевна!

– Да?

– Мне помощь нужна, а Марины нет. Запах от волос очень сильный после этой химии. Как можно от него избавиться?

Вера Сергеевна отвернулась от очередного смуглого клиента, пощупала мои волосы, поднесла к носу и отшатнулась, как от нашатыря.

– Н-да... Пересушила Маринка. Состав, видимо, термоядерный. Надо было поменьше держать. А запах? Да никак не избавишься. Химия же как делается? Состав в структуру волос проникает. И остается там. Надолго. Поэтому и кудри держатся. Сойдут кудри – сойдет и запах. Ну что делать. Это же дешевый. Польский. Вот и побочный эффект. Ничего, привыкнешь. Зато смотри, как красиво получилось!

– Как сойдут кудри, сойдет и запах? А как сделать, чтобы побыстрее сошли? Может, голову мыть почаще?

– Попробуй, – равнодушно пожала плечами толстая Верунчик. – Только гель не забудь у Ахмета купить, а то после мытья будешь как Андже́ла Дэвис. Каждый раз с гелем укладываться надо.

В указанном ею месте, на прилавке у Ахмета я купила банку красного желе с названием «Гель для „мокрой химии“» и выбрала самый сильный шампунь. От клещей и кожных паразитов. Рассудила, что если уж он фауну убивает, то запах-то всенепременно. Заодно приобрела жидкое моющее средство для тканей, с пятновыводителем. Как раз уложились в два рубля.

Дома, уже привычным скачком, сразу метнулась в ванную комнату. И так быстро, что мама, которая караулила у входа с большим желанием поговорить, перехватить меня не успела. Только снаружи дергала запертую дверь, а я наливала воду в ванну и готовилась отстирывать свои волосы.

Не знаю, что больше повлияло, шампунь от клещей или пятновыводитель, но после мытья на мокрых волосах запах стал еще сильнее. Может, там какие ингредиенты друг на друга среагировали, не знаю, но вонь резала глаза и просачивалась через вентиляционную решетку по всему дому. Соседи стали ходить по этажам и выяснять, в какой квартире кто-то умер и лежит уже пару недель непохороненный. Удивительная беспечность, с учетом того, что кладбище под боком.

В засаду у двери ванной к маме присоединился и только что пришедший с работы отец, которому сразу же в красках было доложено про вызов в школу, разговор с директором и двадцать пять рублей, которые я невесть откуда взяла.

К сожалению, санузел у нас был отдельный. Иначе бы я черт те сколько могла просидеть взаперти. На нервной почве мне даже не хотелось есть, а вода была из-под крана. Но вот естественные потребности... Когда уже не оставалось сил терпеть, а бдительность родителей ослабла, я быстро отперлась и переместилась в соседнее помещение. Но там тоже долго скры-

ваться не удалось, потому что естественные потребности были у всей семьи и папа пригрозил сломать дверь.

Пришлось морально готовиться к казни и выходить. Кстати, к этому времени волосы уже практически окончательно высохли. И в сухом виде стали пахнуть немного слабее, чем раньше. Значит, был все же смысл в мытье жидким средством для стирки. Но высохшие, они повели себя так, как предсказывала Вера Сергеевна из салона. Встали дыбом вокруг головы, сделав меня похожей на больного одуванчика из мультика.

При виде меня, выползающей из туалета со стоящими дыбом волосами, мама позеленела, а папа схватился за сердце. Младший брат, на свою беду проходивший в тот момент мимо, сделал круглые глаза, икнул и быстро скрылся в нашей комнате, забаррикадировавшись изнутри.

На минуту родители в шоке застыли, изучая мой новый имидж. После повели на кухню. Кормить ужином и промывать мозги.

Сначала выясняли про деньги. Пришлось признаться, что месяцами экономила на питании в школе. Теперь уже мама схватилась за сердце и простонала про мой гастрит. Но, впрочем, ничего страшного не произошло, за исключением серьезного намерения родителей остричь меня налысо, потому что за полчаса беседы запах успел заполнить кухню и отбить аппетит у всей семьи. Я поклялась мыть голову дважды, нет, трижды в день. Родители поклялись договориться с завучем и не пускать меня в школу неделю, дабы я не позорила их честное имя. А через неделю – либо ишак, либо падишах. Либо запах смоется, либо меня ждет стрижка под ноль. И косыночка до тех пор, пока волосы не отрастут хотя бы до стрижки «под мальчика».

В общем, у меня было семь дней.

И я выполняла программу по полной. Я прописалась в ванной и часами отмачивала волосы в воде. Мама сбегала в ближайший магазин и принесла целую сумку флаконов с различными шампунями. И наши совместные усилия потихоньку начали приносить плоды. Уже даже в мокром виде волосы не пахли так убойно и не мобилизовывали соседей на поиск протухших продуктов и покойников. Но все же до полного излечения было далеко. Но применение всевозможных моющих средств в таком буйном режиме принесло и побочный эффект. И без того пересушенные составом волосы я досушила окончательно, и они сбились в жуткий колтун, который мы с мамой каждый раз после мытья распутывали и расчесывали по часу. Не помогли ни бальзамы «Утренняя роза», ни масло. Не помогло даже то, что мама сама отстригла наиболее пересушенные двадцать сантиметров кончиков. Проблему это не решило. В сухом же состоянии кудряхи моментально вставали дыбом, страшно электризовались и бились током. Обуздать их получалось только хорошей дозой антистатика для одежды, маслом и резинкой, которая туго стягивала объемные пакли в хвост. Впрочем, когда эффект от антистатика проходил, резинка часто оказывалась бессильна. Лопалась в самый неподходящий момент и выпускала на свободу кудрявый ужас, реагирующий на любую синтетику разрядами тока и голубыми искрами. Про гель пришлось забыть, ведь на этот пересушенный объем требовалось не менее половины банки, а мыла я голову трижды в день. Соответственно, тратить каждый раз по пятьдесят копеек просто на приличный вид дочки было не под силу даже моему папе с его хорошей зарплатой.

Такими красивыми спиральками, как мне мечталось, но без геля, волосы ложились только во влажном состоянии. Полностью оправдывая название процедуры. «Мокрая химия».

И вот, дня через три после начала моей эпопеи с мытьем головы, в момент, когда в очередной раз вышла из ванны в халате и с замотанными в полотенце волосами, в дверь позвонили.

Не ожидая ничего плохого, распахнула дверь – на пороге стоял Миша. Со смущенной улыбкой и пакетом апельсинов в руках. О боже! Если честно, в эти дни так была занята спасением волос от стрижки налысо, что совсем забыла, как в последний день в школе мой принц кубарем скатывался вслед за мной по лестнице. Вернее, конечно же, помнила. Каждое мгно-

вание. Каждый его взгляд. Просто приказала себе отложить все до момента, когда смогу показаться без стыда за чудовищный запах от прически. И вот принц пришел сам.

Н-да. Не в самый хороший момент. Но все же тогда, когда волосы укрыты полотенцем. Криво улыбаясь, я проводила Мишу на кухню, предложила чаю и, пока чайник закипал, отлучилась в ванную, где вылила на голову оставшуюся половину мамино «Magie Noire».

Мой герой уже немного освоился и свободно передвигался по квартире. Нашла его в гостиной, где он вертел в руках какую-то фотографию родителей в рамке и рассматривал гору постиранного белья, ожидающего на диване своей очереди на глажку.

Меня перекосило.

– Вот, в школу не ходишь. Пришел сам навестить. А чем болеешь? Надеюсь, не запой? Ха... Не переживай, если что – у отца связи в наркологии.

Нет, я, конечно, все понимаю. Шуточки. И вроде должна уже была привыкнуть к подобному юмору за несколько месяцев учебы в одном классе. Но там они звучали как-то посмешнее, чем у меня дома, на фоне любимого дивана и фотографий моих родителей.

– Миш! А как ты меня нашел? Где взял адрес?

– Наташка твоя дала. Вы же дружите, вот она и шепнула мне по секрету.

Вот паразитка, а? Знает же, что сижу дома с проблемой, что еще не готова к встрече с людьми, тем более с тем, кто очень нравится...

(Миша тем временем по-хозяйски сдвинул белье на край, уронив из кучи на пол мамин лифчик и какую-то ее блузку. И развалился на диване.)

...или нравился.

– Да ты чего? Купилась? Чего смотришь? Ладно, Наташка тебя не сдала. Я уж подкатывал и так, и так. Подруга у тебя кремень. Уважаю. Я отца попросил твой адрес пробить. По базе.

Миша с любопытством осматривал нашу квартиру. Криво поклеенные обои и дешевую люстру под потолком.

– А ты одна дома? Где предки?

– Папа на работе, а мама с братом уехали бабушку навестить, вечером вернутся.

– Вот и отлично. Давай видак посмотрим? Чего у тебя из кассет есть?

– У меня нет видака.

– Что ж так бедно живете? Вроде ж у тебя отец крутой? В загранке были. Чего ж не привезли?

Вот и наступил момент, когда больше всего хотелось, чтобы этот «принц» сел на своего коня и покинул мое королевство в кратчайшие сроки. Иначе я не ручалась за то, что принцесса не стукнет вазой по его блондинистой башке.

– Ну что, в субботу в кино идем?

О господи. До субботы я точно не успею отмыться.

– Прости, Миш, но на этих выходных не получится. Я еще болею.

– Ха, вижу я, как ты болеешь. Ну ладно, мы с тобой и без видака, и без кино найдем же, чем заняться? Правда? Иди ко мне. У тебя такой интересный халатик...

Все. Терпение мое лопнуло. Чувства улетали вдаль, как самолет, уступая место тупому удивлению – как, КАК? Как я могла этого не заметить? Ради КОГО я страдаю, по три часа в день выдирая пряди расческой?

– Миша! Прости, но мне кажется, тебе лучше уйти. Я очень благодарна за то, что зашел. За апельсины. Но мама скоро вернется. И у меня есть дела.

– Не понял? Ты че? Меня выгоняешь? Меня? Ты? Ха-ха. Ты хоть в зеркало себя видела? Ты ж ни-ка-кая! Лохушка! Да любая бы на твоём месте... Да хватит ломаться и себе цену набивать! Думаешь, не видел, какими взглядами ты на меня смотришь? Иди сюда! – Бывший принц, теперь больше напоминающий быдло, дернул меня за рукав халата, я потеряла равно-

весие и шлепнулась к нему на колени. Полотенце развернулось и влажные кудряшки, пропитанные маминым парфюмом, посыпались на плечи.

Испугалась страшно.

– Все! Уходи! Отстань от меня! – пыталась встать с Мишиных колен, а он удерживал меня и как замороженный смотрел на спиральки волос.

– Отпусти! Сейчас буду кричать! Прибегут соседи!

– Да кричи, идиотка... Все на работе! А твоя мать придет только вечером. Сама же сказала. – Одной рукой он крепко держал меня за талию, а второй пытался развернуть мое лицо к себе. И вот, в самый ответственный момент, когда уже собирался поцеловать меня в губы, я удачно дернула головой, и его поцелуй пришелся в волосы... Миша замер, а потом резко отшатнулся. Почти так же резко, как Вера Сергеевна из салона. Видимо, все же учуял под лошадиной дозой «Lancome» стойкий аромат «Салтыковский».

– Фу... Чем от твоих волос так мерзко пахнет? ЧТО это?

Воспользовавшись замешательством, вскочила с его колен и отлетела в другой угол комнаты. Поближе к тяжелой хрустальной вазе.

Впрочем, Мише было уже не до меня.

– Подожди... Так вот чем пахло в классе тогда! Конечно, и запах появился с твоим приходом. Надо же, а СЭС двигали всю мебель и вскрывали полы.

Принц уже встал с дивана и двигался по направлению к прихожей. За своей курткой.

– Ну ты даешь! Вонючка! – с восхищением напоследок произнес он. И закрыл за собой дверь.

Весь вечер я плакала. От разочарования в любви. О зря потраченных десяти рублях и о своих испорченных волосах. И даже согласилась с мамой, что их все же придется отстричь, а потом мы плакали вместе. Но все же хорошо, что тогда мы этого не сделали. Ровно через две недели «мокрая химия» спасла мне жизнь. Но об этом в другом рассказе.

А тогда, отмытая и со стянутыми в хвост волосами, я через неделю вышла в школу. Этому предшествовал экспертный совет, на который были приглашены не только родители, но и соседи. Им, людям свежим, предстояло определить – пахнет от меня или нет. Голоса разделились, но все же, согласно мнению большинства, пошла учиться. В первый же день, на перемене спустившись в раздевалку за чем-то необходимым из кармана пальто, среди катакомб вешалок с горами верхней одежды я застучала целующуюся парочку, Мишу и Жанну. Но мне было все равно. Видимо, поплавав, испытала облегчение. От того, что больше не надо бояться и притворяться. Я – такая, как есть. Со всеми своими запахами, прыщами и сколиозом. И мне все пофиг.

Но для таких выводов мне все же надо было стать Принцессой Прекрасной. Пусть ненадолго, пусть только на пару часов. И «мокрая химия» за десять рублей помогла выполнить эту задачу.

Я подмигнула растерявшемуся при моем появлении Мише. Сняла резинку с хвоста и потряхнула шевелюрой. Почувствовав соседство нейлоновых курток и прочей синтетики, мои волосы мгновенно наэлектризовались, встали дыбом и весело заискрились.

Совет вам да любовь, дети мои! И да будет так. Ваша Вонючка.

Домашняя психология под чашку кофе (от автора)

Честно, не знаю, что б сделала, если бы мой ребенок явился домой после подобной процедуры с запашком. Наверное, в первую очередь съездила в салон и растерзала распространителей химического оружия, которые нарушают конвенцию ООН. Во вторую – поехала бы на поиски парика, и дочь ходила бы в нем, пока не отрастут новые волосы, чистые и шелковистые. А может быть, поступила бы так же, как мои добрые родители. Не знаю. Но знаю одно: красивому человеку легче разобраться со своими чувствами. Когда общаешься с объектом этих самых чувств не снизу вверх, а на равных. Или уже чуть свысока. Пусть даже один день. Поэтому, если ребенок хочет стать красивее (в своем, разумеется, понимании), то, наверное, надо его поддержать. И пусть наши с ним стандарты красоты различаются. Но жить-то, влюбляться и разочаровываться ему? Правильно?

Шапочки из фольги

Та самая злосчастная «мокрая химия» из салона «Мечта» Салтыковского колхозного рынка помогла мне не только разобраться с тем, ху из Миша, но и помогла при намного более серьезной ситуации. И возможно, спасла жизнь.

Начну издалека. Разбитое разочарованием сердце тогда лечила с помощью психологической поддержки подружки Наташи. Мы и раньше часто ходили друг к дружке в гости, благо жили в соседних домах. Но после краха моих надежд визиты стали ежедневными. Да и что еще делать, если на улице холодно, а поодиночке сидеть дома неинтересно?

Помните то время? По телевизору ничего. Единственная развлекательная программа в будние дни – это «Спокойной ночи, малыши». И программа «Время», после которой всем полагалось ложиться спать. Книг интересных не было. Про компьютеры и игровые приставки вообще молчу. Вот, сразу после школы обедали, отдыхали, ждали, пока стрелка на часах дойдет до пяти, и либо я шла к Наташке, либо она ко мне. Что случалось намного чаще. Дело в том, что у Наташи была еще годовалая сестричка. То ли у дитятки в то время зубки резались, то ли характер от рождения был скверный, но орала детка не переставая и по силе голоса могла соперничать с электричкой. Мама Наташи, видимо, интуитивно подкрутила свою громкость до уровня ребенка, и я всегда выходила из их квартиры в оглушенном состоянии. Заниматься, да и просто разговаривать там было совершенно невозможно. Когда из кухни, которая была за стенкой, на нас обрушивалось: «Сейчас кушать будем! Смотри, какая кашка! Открой ротик! ОТКРОЙ РОТИК!», мы с Наташкой подсакивали на стульях и инстинктивно широко открывали рты.

Поэтому Наташа по большей части проводила вечера у нас. Мы делали уроки, а параллельно сплетничали, жаловались друг дружке на одноклассников и родителей и делились своими сердечными переживаниями. И четырех часов на все это вполне хватало. Как только слышали из соседней комнаты бравурные аккорды Свиридова и начиналась программа «Время» – собирались, одевались, и я шла подругу провожать до дома. До третьего корпуса. У дверей ее квартиры уже ждал одетый дядя Боря, Наташин отец. Он впихивал подругу в пропахшую детскими запахами, наполненную криками квартиру и теперь сам шел провожать меня и сдавать с рук на руки родителям. Согласна, технология странная, и намного проще было бы дяде Боре сразу приходиться к нам и забирать Наташку. Но вот так случилось. Моих родных устраивало, что я дышу перед сном кислородом, Наташиного папу – что он получает передышку от высоких децибелов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.